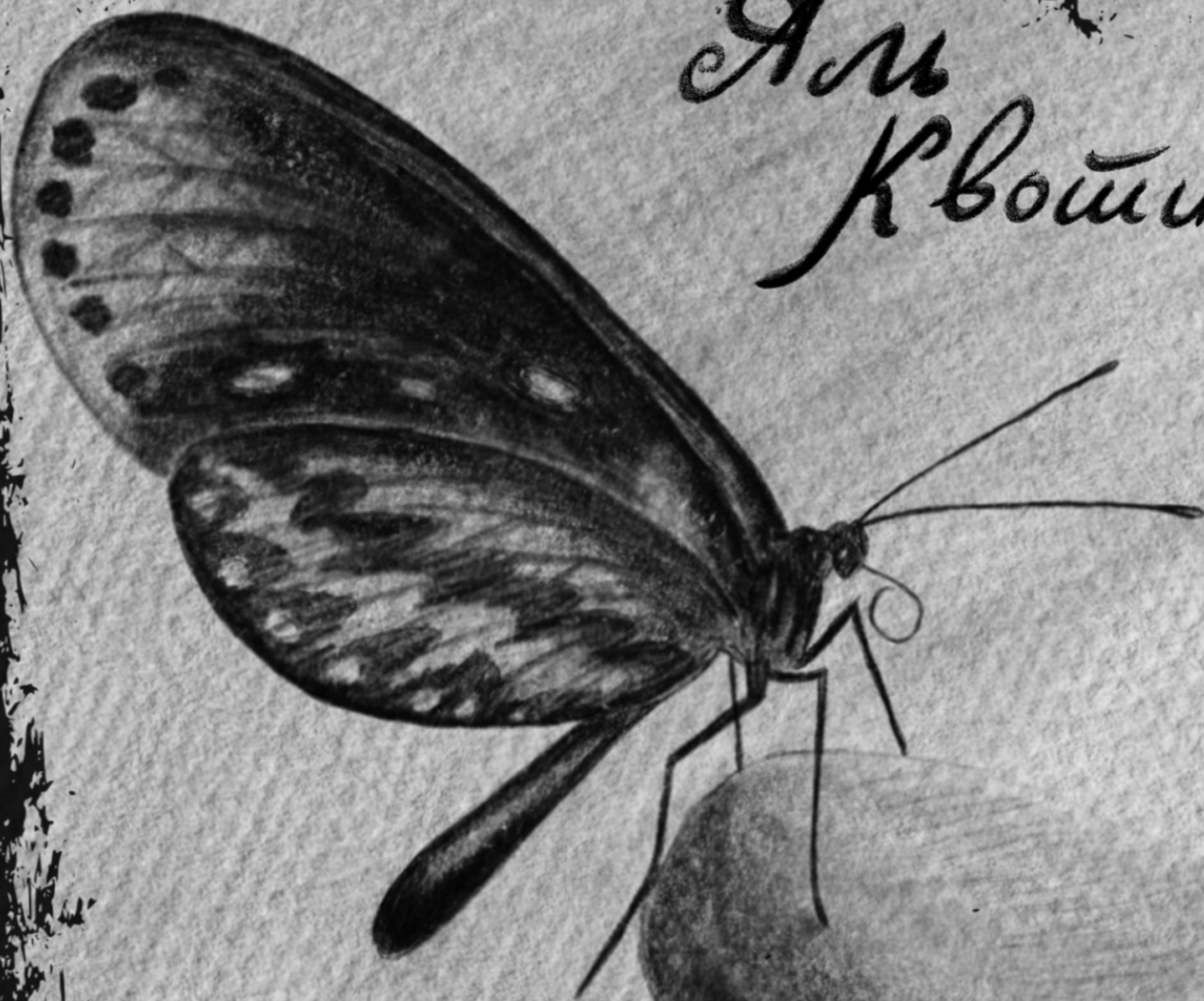

Для
Квошион

Запчастъ
Дмпровизация

дополненное
издание

16+

Аль КВОТИОН

**Запчастъ импровизации.
Дополненное издание**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Квотион А.

Запчасть импровизации. Дополненное издание / А. Квотион —
«ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-94818-1

«Запчасть импровизации» — вы наверняка хотя бы раз сталкивались с этим названием. Отрывки из этой книги уже много лет наполняют крупнейшие паблики и подборки цитат. «Запчасть импровизации» — это сборник прозаических миниатюр и стихов популярного современного писателя и поэта Аля Квотиона, его первая книга. Она является квинтэссенцией всего творчества автора и включает в себя наиболее любимшие читателю произведения автора, а также иллюстрации, собственноручно им нарисованные.

ISBN 978-5-532-94818-1

© Квотион А., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Проза	6
Поздняя осень	7
Выше сравнений	9
Море	10
Тот, кого ты любишь	11
А на небе – звезды	12
Лето	13
Холодно	14
Игра в счастливых людей	15
Что такое любовь?	17
Дитя тяжелых времен	18
Потому что мы люди	19
Нерожденная вселенная	20
Мы теряем	21
Человек познается в малом	22
Одна	23
Вместе	24
Будьте	25
Время поэтов	26
Гонимые миром	27
Замочная скважина	28
Встречай	29
Поцелуй поэта	30
Несравнимое	31
Актер	32
Люди больны любовью	33
Я чувствую тебя	34
Мелочи	35
Комнатная зима	36
Дорогой парфюм	37
Конец света	38
Одно крыло	40
Чем жить с душой	41
Читатель	42
Одинокое небо	43
Игра в слепых	44
Ювелир	45
Завтра	46
Над городом	47
Жизнь настоящим	48
Наша жизнь	49
Мы меняем других	50
Мы из тех	51
Побег от себя	52
Перевернуть мир	53
Много граней	54

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Аль Квотион

Запчасть импровизации.

Дополненное издание

Проза

Я пытался понять хоть что-нибудь... Я пытался поймать ноту на острие разорванной струны, пытался прочесть поэму, десять лет назад написанную на песке перед прибоем и потому совершенную. Пытался... Потом меня спросили: что ты нашёл? И я показал горсть пепла на ладони. Это было время.

Поздняя осень

В целом ничего не изменилось, ты все так же просыпаешься по утрам, моешься, завариваешь кофе, лениво морщишься на свой завтрак, только с каждым днем за окном все темнее. И однажды твой будильник прозвонит, ты откроешь глаза и увидишь ночь. А это значит, что в твоём городе осень. Осень похожа на изысканную болезнь: сначала ты любишься сменой красок, хватаешь руками листопады, но уже начинаешь чувствовать какую-то нездешнюю печаль и проникаешься тихой нежностью к любимым и близким, словно бы завтра с последним упавшим на асфальт листом исчезнут и они. Но время идет, и поэтический флер спадает с осени, обнажая голые деревья, холод, пасмурную слякоть и первый мокрый снег, быстро превращающийся в грязь под ногами простуженных людей с угрюмыми лицами. Но чем холоднее и беспрощаднее темнота снаружи, тем уютнее кажется тёплый мягкий свет в квартире. И если лето – это время убегать из дома навстречу несбыточным мечтам подростковой души, то поздняя осень – время возвращаться.

Выше сравнений

Мне говорили, что есть те, кто умнее тебя. Кто играет с идеями, как ребенок играет с любимыми игрушками, кто не знает не решенных задач и легко строит удивительные миры, полные жизни, из простых логических связей. Мне говорили, что есть те, кто красивее тебя. Совершенные женщины, с глазами, превосходящими неповторимость каждого рассвета, с телами, сводящими с ума одной своей изящно отброшенной тенью. Идеальные мужчины, словно сошедшие с небес, чтобы весь мир, задыхаясь от восторга, пал к их ногам. Мне говорили, что есть те, кто возвышеннее тебя. Кто прячет душу такой глубины, что небо боится заглядывать в ее размах и ангелы не могут найти дна. Чья любовь способна поворачивать реки вспять, а границы понимания и чуткости спорят с границами вселенной. Мне говорили, а я слушал, улыбаясь про себя. Мне говорили, не понимая одного: того, что ты, человек мой, в жизни моей, душе моей, судьбе моей, сердце моем не выше всех остальных людей. Ты выше всех сравнений.

Море

Я хочу увидеть море. Я хочу дышать до головокружения этим воздухом, густым от мерно вздрагивающей водной глади, от криков птиц, пронзительных, как последнее откровение Бога. Я хочу лежать на мокром прибрежном песке, без одежды, без прошлого, без будущего и курить в сырое небо, улыбаясь невероятной свободе каждого движения ветра, удивительной рыбой струящегося по коже. Я хочу собирать разноцветные камни и стирать с лица брызги воды, не открывая глаз, не будя души, почти не существуя, почти став частью окружающего, движущегося, меняющегося, влажного, соленого, такого чуждого и такого понятного. Я хочу потеряться в ласке волн, я хочу забыть себя самого и просто плыть. Туда, где жизнь окрашивается мягким светом заходящего солнца. Я хочу сидеть на самой кромке воды, на этой дрожащей грани между фантазией и реальностью, нежностью и жестокостью, человеком и... морем. Я так хочу увидеть море.

Тот, кого ты любишь

Тот, кого ты любишь, это воздух. Сладкий, острый, холодный, шальной от переизбытка кислорода, густой как вода и звенящий. Ты жадно хватаешь его открытым ртом, и резко кружится голова, и сердце начинает стучать почти болезненно, но без него ты задыхаешься. И легкие сжимаются, выдавливая сквозь кожу крик и озноб, и судороги... Пока ты снова не вдохнешь этот ядовитый газ. И тогда можно жить дальше и дышать, дышать, ды...

Тот, кого ты любишь, это лезвие. Это скальпель, которым ты препарировать собственную душу. Это разделочный нож, которым ты безжалостно отсекаешь в себе все лишнее, наносное, ставшее вдруг таким мелким и ненужным. Это бритва, которой ты вскрываешь грудную клетку, обнажая дрожащее сердце, жаждущее самого интимного прикосновения. И, вскрыв себя, ты начинаешь бездумно кромсать это небо, чтобы по кусочкам дарить его тому, кого...

Тот, кого ты любишь, это ночь. Это темнота, сводящая тебя к осознанию звука, вкуса, касания. Это тугая повязка на глазах, заставляющая узнавать мир снова на ощупь, слышать в невероятной тишине дрожание ресниц, различать нюансы дыхания и снова сходить с ума от горячего шепота на обнаженной коже...

Тот, кого ты любишь, это отражение. Это брат твой по крови, по духу, это твое собственное лицо сквозь мутную поверхность мира, это высшее родство, родство глаз, рук, душ, сердец. Это мысли, становящиеся продолжением друг друга, это экстаз страсти, отпечаток стога, крика, молчания, звучащих в унисон...

Тот, кого ты любишь, это сон. Тот единственный, который снится, когда ты не закрываешь глаза. Который нежно обволакивает тебя дремой тепла и уюта, мягко качая на руках бытия. Который нежно выдыхает в твои волосы смех звезд, разлетающийся яркими осколками счастья на ветру, оседающий на твоих губах. Тот, который, меняя мир, однажды становится миром – только твоим...

Тот, кого ты...

А на небе – звезды

*Вечернее небо красное – к хорошей погоде.
Народная примета*

Пасмурно. Эта ночь пахнет дождем. И я прячусь от нее в уютном свете квартиры, осторожно листая страницы своих мыслей, чувств, идей, несбывшихся и сбывшихся мечтаний, утраченных и только рождающихся надежд, знаний и ошибок, легкой печали и мимолетного счастья. Страницы своей жизни, пронумерованные календарными листами. А по коже змеится Слово, становясь последней одеждой, щитом, броней, закрывающее собой взгляд и голос, но настезь распаивающее душу. А там... Пахнет сеном. А на небе – звезды. Самые обычные звезды на самом обычном небе. И я не знаю и не хочу знать их имен. Я хочу просто смотреть и, улыбаясь, показывать на них пальцем и говорить тебе: "смотри, как красиво". Там сложность стремится к простоте. Там на заре выпадает роса и мы шлепаем по ней босиком, и я не читаю тебе стихов о любви и боли, жизни и смерти... Я зову тебя купаться, потому что вода теплая и в ней отражаются сосны и облака. И если напрячь фантазию, то можно представить, что мы летим между ними. А вечером мы пьем чай. С сушками. И все тайны бытия, риторические вопросы, тягостные мысли и нерешенные дела молча ждут нас с той стороны двери. А потом уходят, так и не дождавшись. Потому что мы легли спать. И я пытаюсь стянуть твое одеяло, и ты закидываешь ногу мне на бедро и утыкаешься головой в грудь. А над нами все горят и горят звезды, имен которых я не знаю... Любое слово отзвучит. Но эхом от него останется память о чем-то по-летнему теплом, доверчиво нежном и почему-то пахнущем свежескошенным сеном. И я буду сидеть и улыбаться, глядя в эту дождливую холодную ночь. Но сегодня вечером моя кровь была все еще красной, а это значит, что, возможно, завтра будет ясно.

Лето

Я пасынок зимы, я редко пою о лете. Жарко, пыльно, мухи, слепни, запах пота, от духоты часто болит голова и единственное спасение – это обтирание мокрого тела о зашкаливающую массу купающихся в местном водоеме. Но все же... Летняя ночь, когда безжалостное солнце исчезает, но в воздухе еще чувствуется его запах, когда выходишь на улицу просто так, не замечая порога двери, у которой раньше ты проводил ритуал натягивания куртки, шапки и ботинок, четко разделяющий там и тут. Стертая теплом граница дозволенного. Лето это песня юга, это звучание бубна возле разожженных костров. Лето это знойный танец полуобнаженных тел. Лето отражается насыщенно синим небом в капельках воды на загоревшей коже. Лето отражается в лицах людей, шурящихся и улыбающихся свету. Лето это постель из травы с кружащим голову ароматом полевых цветов, в которую падаешь, смеясь и глотая счастливыми глазами пушистые облака. Лето это проснувшаяся от спячки жажда жить. Лето это мы, измененные долгим ожиданием и бесценной находкой. Да, лето это мы. Я пасынок зимы, я редко пою о лете, но все же... я люблю его.

Холодно

А как иногда хочется – чтобы холодно. Чтобы сердце – до бесчувствия. Чтобы душа – гранитом, бетоном, камнем. Чтобы взгляд – льдом, снегом, инеем. Чтобы не любить, чтобы не больно. Чтобы дышать прозрачным небом и не знать земных страстей. Чтобы не хотеть рук, не искать в оглохшем мире жалкие крохи тепла. Чтобы скалой – в любом шторме, чтобы безразличие вместо всех разбитых надежд. Чтобы уверенный шаг вместо бесполезных попыток, чтобы не гнули и не ломали слова "останемся друзьями". Чтобы любые слова оставались лишь словами. Чтобы не жить, почти умирая, а умереть, оставшись живым. И иногда почти получается, и уже чувствуешь в груди этот холод, и уже ждешь его, готов к нему... Но почему-то мама смотрит на твое лицо и начинает плакать. И ты возвращаешься, конечно, возвращаешься, чтобы снова искать и терять, любить и страдать, и вновь и вновь пить горький чай, разделяя его с этой ночью, своей болью и одиночеством.

Игра в счастливых людей

Мы играем в счастливых людей. Мы соскребаем с необъятного тела интернета слова лукавых авторов, мотивирующие нас на радость, и закрываем ими проруби одичалой тоски или изысканной печали, или отчаянного одиночества, или просто откровенной боли в собственных душах. Мы с придирчивостью эстета собираем осколки хорошего настроения, смеха и той теплой разноцветной ваты, которую так актуально сейчас дарить друг другу. Посмотри какая очаровательная улыбка! А смотри какие у меня солнечные зайчики! Радуетесь!!! Но мы забываем, что люди – это люди. И каждый из нас стремится к тому, чего у него либо нет, либо остро не хватает. Я пробираюсь сквозь паутину слов, оттиски душ, сквозь эти цветные огни, россыпи шуток, разнузданное пение, я стираю рукавом матово блестящий фантик веселья и слушаю тихий шепот обычной грусти... Маленькой, человеческой грусти, не возведенной иными сытыми представителями вида до гордого ранга трагедии всея души. Простой грусти. Я вижу ее девочкой, избитой крайностями, спрятанной под мусором и шелухой наносного оптимизма. Я смотрю в ее глаза и думаю, а когда я в последний раз видел рассвет? Нет, не мельком, спеша по своим делам, не сонно бросив взгляд в окно, заваривая кофе, а по-настоящему, осознанно, целенаправленно? Так, чтобы встать из уютной постели, когда еще темно, вызвать такси, сесть в него и поехать на край города, чтобы увидеть – рассвет... Держа за руку девочку-грусть. Чтобы там, между шумным городом и молчанием рассвета, встретить ее брата близнеца – маленького, забытого мальчика-счастье.

Что такое любовь?

Что такое любовь? Ты падаешь вниз головой, закрыв глаза. По обнаженной коже струится ажур слов и бархат теплой темноты. Любые звуки превращаются в музыку, и ты настраиваешь метроном дыхания на такт сердца. Ладонями ты чувствуешь свет, ты осторожно касаешься изнанки души и она начинает петь. В этот момент долгое падение превращается в полет по кромке звездного неба. Ты замираешь, чтобы собрать губами эти звезды, но ласковая рука скользит по ключице, хватается за плечо, мягко толкает тебя спиной назад и ты... Ты летишь. В облаке танцующего снега, упираясь лопатками в невесомость... А с ее горького горячего тела медленно скользит в вечность шелк белья. И в дрожащем пространстве между желанием и тишиной, между вашими телами, ты лицом к лицу сталкиваешься с жизнью. Но что такое жизнь без любви?

Дитя тяжелых времен

Мы счастливые люди. У нас есть крыша над головой, на кухне еда, уютный свет монитора и доступ к интернету. Да, у каждого своя собственная боль, которую мы любим возвеличивать, доводя до ранга трагедии, но мы счастливые люди. И мы пишем стихи. Стишки-мотыльки, огромным числом облепившие стены храма сытой лиры, неуклюжие создания с толстым брюшком опостылевших идей и недоразвитыми крыльями нового вдохновения. Мы не сражаемся за каждый глоток воздуха, жизни, земли и неба, пересохшей от боли глоткой сглатывая ком крика, нет, мы пьем чай, курим возле окна и рассуждаем о смысле бытия, цинично взвешиваем природу любви, лениво ковыряем теряющими чуткость пальцами аспекты своих слабеньких эмоций-мух, по привычке считая их слонами. Потому что своя рубашка всегда ближе к телу. Нам скучно. Мы не поэты, мы прозаики. Поэзия – дитя тяжелых времен, дитя великих перемен, а не высосанной из пальца муки, поэзия дается через боль на каждом выдохе, поэзия убивает. Проза жизни – вот наш удел.

Потому что мы люди

Вечереет. Мир снаружи завернулся в сумерки, гоняет ветром по двору какие-то бумажки, мимо окна диковинным самолетом пролетел надутый воздухом пакет. Поздней осенью сумерки обезличивают город, делая его каким-то ватным, промозглым, иссиние-серым и до неуютности холодным. Я сажусь на подоконник, закуриваю, ты залезаешь на стол и устраиваешься на нем, беспрерывно глядя мне в висок. Появляется чувство, словно твой взгляд рисует на нем круги сухим шершавым пальцем, раздражая кожу, заглушая мысли, отдаваясь мурашками в правом плече. Я ерзаю, пытаюсь спрятать голову, но ничего не получается, отчего я начинаю злиться. А ты все смотришь и смотришь, все настойчивее, уже почти грубо трешь пальцами взгляда мой висок.

– Сашка, я же люблю тебя. Ну почему этого мало?

Молчу в ответ на твой вопрос, не знаю, что отвечать. Даже не так: знаю что, но не вижу как и не понимаю зачем. Мать незаметно кладет теплые носки в сумку сына, который уезжает, потому что у него теперь своя семья. Девушка впервые одна идет в кино, потому что ее единственная подруга предпочла их общему еженедельному променаду новизну первого свидания. Мужчина молча сжимает кулаки, узнавая, что женщина, которую он любит, счастлива с другим. Создаются и разрушаются семьи, люди обретают счастье и переживают потери, жена отворачивается от мужа, отдавая свою нежность ребенку, одинокая женщина ищет ответ, почему выбрана не она, обиженный мальчишка с завистью смотрит на счастье собственного брата, снискавшего похвалу родителей, и во всем нашем мире безгласным криком разлиты в звенящем от напряжения воздухе слова: Я же люблю тебя! Почему этого мало?

Мало. Потому что мы люди. Живущие в собственных заблуждениях эпицентры неутолимой жажды все нового тепла и счастья. Мы – это беспрерывное движение и рост, которым со временем становятся малы любые рамки, даже рамки былых отношений. Мы – пугливые звери в поисках личного рая, мы – механика тел с переменной массой целей и амбиций в уравнении жизни. Ты смотришь мне в висок и не знаешь, что твой взгляд – это нескончаемая метаморфоза протяженного вне времени и пространства вопроса. Ты не знаешь, что она идеально рифмуется с заусенцем у меня на руке, с этой пакетолетной погодой за окном и твоей футболкой, съехавшей на бок. И еще ты не знаешь, что все эти рифмы, разбросанные вокруг нас, уже хранят в себе ответ. Вот эта грязная сковородка на плите, это мерное жужжание холодильника, два окурка в пепельнице и серо-фиолетовый цвет сумерек. Да, иногда люди вырастают из прежних отношений, сбрасывают их смирительной рубашкой с расправившихся плеч и идут дальше. Но если хоть иногда греть любовь теплом дыхания, подгонять в такт сердцебиению, тянуть выше за ростом личности, удобрять пониманием и чуткостью... Тогда она будет расти вместе с нами. И тогда в каждой мелочи, в кружке чая, в шарканье соседей сверху, в сработавшей во дворе сигнализации и упавшем с ноги лохматом домашнем тапке встанут картины будущего: вечером мы будем лежать в кровати, пихаться локтями и обниматься, а я нарочито серьезно посмотрю на тебя и отвечу, пряча улыбку:

– Не говори ерунды.

Нерожденная вселенная

В тебе пляшет нерожденная вселенная. Я касаюсь ладонью твоей груди, я чувствую ее. В тебе танцует предельно обнаженный, яростный мир. Он дышит в такт моему сердцебиению, но... Мое сердце – это хаотичность пульса, нервная аритмия жизни, больные судороги стареющего неба. Мир в тебе безумен. Мир в тебе принадлежит мне. Мир в тебе дрожит и прогибается под моей рукой, и линия горизонта рвется. Я смотрю в твои глаза. Сейчас в тебе восходит солнце. И, возможно, я тысячу раз не прав, когда тащу тебя за руку на крышу, где тяжелые звезды задевают мурчащим брюхом торчащие тут и там антенны. Когда веду тебя дышать дорогами, по которым люди ходили пешком еще тысячи лет до нас. Когда довожу скорость дней до предела, превосходя предел, чтобы отчаянно визжали тормоза настоящего. Когда закрываю глаза рукой и веду на свет, разрывая скуку каждым шагом. Когда слизываю с твоих губ этот монотонный плач, застрявший в апатии тишины. Когда сметаю со стола эти опостылевшие кастрюльки и мисочки, эту утварь бытовухи, чтобы целовать в горло, чтобы превратить пошловатость секса в инструмент созидания, чтобы вскрыть нарыв усталости и сотворить из тела новую форму чувственности и страсти. Когда я краду тебя из душного офиса, чтобы сбежать из города и увидеть, как тысячи птиц поднимаются с земли. Возможно, я не прав, возможно, в этой размеренной каждодневности тебе тепло и уютно, а рядом со мной – бросает то в жар, то в холод. Возможно, это так. Но в тебе пляшет, безумствует и хохочет вселенная. Я чувствую ее. А это значит, что настало время стать для нее рождением. Как всегда, не уточняя цены. И завтра, когда ты проснешься, мир станет тесен.

Мы теряем

Мы теряем, теряем, теряем... Нет. Мы находим. Залатав дыры души острой иглой прощения, собрав из мозаики судьбы самого себя заново, назло, почти такого же, каким был, ты возвращаешься. Ты приходишь к другу, устало сбрасываешь с плеч дождливый плащ прошлого... И находишь в знакомых глазах уже чужого тебе человека. Иногда находить сложнее, чем терять. Находить в глазах любви равнодушие. Находить в доверии конечность. Находить в стихах ложь, а в себе отчаянье. Знаешь... Обними меня. Просто так. Обними и узнаешь, что тело умеет петь, рассказывая больше, чем слова. Ты узнаешь, что тепло сердца – не метафора, а тихая данность, струящаяся по рукам. Что родство по духу чувствуется намного острее, чем навыки страсти. Обними меня, и пусть вокруг поднимается ветер, и бесконечно падают звезды, пусть рождаются новые миры, и сгорают древние боги, пусть... Но между нашими телами, спрятанное молчаливыми объятиями, останется то, что одним своим существованием оправдывает все.

Человек познается в малом

Человек познается в малом. Не в словах, слова лживы, даже не в делах, ими тоже можно обмануть, а в тех маленьких крупичках правды, которые не бросаются в глаза, обычно оставаясь за кадром. В тех моментах жизни, когда забываются поставленные цели вроде "добиться этого" или "произвести такое впечатление", когда действия становятся машинальны и интуитивны, а слова теряют четкий смысл, поднимаясь из глубин души. Когда человек перестает себя контролировать, на мгновение сбрасывая все маски, делая глоток воздуха своей глубинной сущностью, заглядывая в самого себя на время короткой передышки между прошлым и будущим.

Она ругалась, когда я звонил. Говорила, что это бессмысленная трата времени и денег. Я не могу вспомнить, чтобы она хоть раз просто сказала: Сашка, я тебя люблю. Она часто ворчала и ставила мне в пример других, всех подряд. И я жил своей жизнью, не особо вслушиваясь в ее брюзжание, занимался делами, работой, любовью, творчеством, писал экспромтом стихи на обрывках бумаги, писал и забывал о них. Иногда я забывал о ней. А потом она умерла. И разбирая маленький ящичек, в котором она хранила всю ту макулатуру, которую считала важными документами, я нашел тонкий полиэтиленовый пакетик, спрятанный между свидетельством о рождении ее дочери и паспортом, в котором аккуратно были сложены все мои стихи, все мои письма, которые все это время она бережно хранила. Она никогда не говорила мне об этом и вряд ли хотела сказать. Просто хранила. В ящичке самых важных ее документов.

А другая часто говорила о любви, писала длинные письма, восторженно смотрела в глаза и ласково улыбалась мне. Она могла приехать посреди ночи, если я звонил и говорил, что мне паршиво, она всем своим существованием хотела подтвердить свою преданность. Она была мягкой, как глина, она принимала любую форму, она красиво отражала любое мое движение, она обожествляла меня и была рядом. А потом, когда я был готов убить каждого, кто скажет о ней плохо, я встретил нашего общего знакомого. И он отшатнулся от меня. Все просто, она часто рассказывала, какой тварью и мразью я был все это время. Все просто. Я тварь и мразь. Все это время. Но когда я опять молча слушал ее изысканное пение о любви ко мне, контекстом под ним для меня остались именно эти слова. И я мог бы оправдать это моментом обиды, если бы... Многое, ненужное, лишнее, недоброе хищным зверем не поднимало голову так часто в этих красивых глазах.

А ты...

Человек познается в малом, в том, что не предназначено для чужих глаз, что мимолетно отражается в тех пусячковых мелочах, которыми пишется наша жизнь.

Одна

Каждую ночь она засыпает одна. И лежа в кровати, обняв тонкой рукой подушку, она смотрит в окно, за которым падают листья на мокрый асфальт. Они падают бесшумно, но она слышит каждый удар листа о землю. Может быть, это удары ее собственного сердца. И листопад превращается в странные, страшные часы, отсчитывающее ее время, ее дыхание, и тьма за окном все плотнее, и мир все меньше, он становится крошечным, сжимаясь до размеров зрачка, он становится тесным, душным, а ее сердце в нем – огромным. Разрывая пространство, достигая мечтами самых дальних уголков вселенной, оно стучит все быстрее, все более жадно глотает чужое тепло, все отчаяннее ищет кого-то на тонущих в свете фонарей улицах городов, на темных тропинках забытых Богом лесов, в гулкой пустоте степей и на томных влажных пляжах... А вокруг все быстрее падают листья, падают стены, падают звезды, падает небо...

Вместе

Вместе – это когда в стремительно растущей куче грязного белья половина – не твоя. Одиночество – это когда у тебя нет грязного белья, только чистое, достаточно лишь затереть мокрой ладонью пару пятен и брызнуть одеколоном.

Вместе – это когда можно позвонить и сказать: «купи, пожалуйста, пачку сигарет по дороге домой». Одиночество – это когда дорога домой приобретает риторический философский смысл.

Вместе – это когда ты, рыча и смеясь, отвоевываешь право пить из своей любимой кружки. Одиночество – это когда все кружки твои, но ты пьешь либо в кафе, либо в гостях, либо из горлышка.

Вместе – это когда в холодильнике есть вкусняшка, но тебе неминуемо придется делиться. Одиночество – это когда в холодильнике есть вкусняшка, но она помнит еще царя, и ты идешь в гости или в кафе.

Вместе – это когда твоя кровать ограничивается одним метром от стены, дальше начинаются чужие локти и коленки. Одиночество – это когда твоя кровать то место, где ты лег, будь то пол или диван.

Вместе – это когда понимаешь всю важность туалета и учишься занимать очередь заранее. Одиночество – это когда туалет для тебя – вечернее платье женщины, возможно, тоже одинокой.

Вместе – это когда ты любишь другие фильмы, но вы читаете одни книги, и ты тихо любишься тем, какая она растрепанная и родная по утрам. Одиночество – это когда ты любишь лучезарные глаза, существующие только в твоих мечтах.

Вместе – это когда ты точно знаешь, что тебя всегда ждут. Одиночество – это когда ты всегда ждешь, ничего не зная.

Вместе – это когда можно пойти погулять. Одиночество – это когда нужно бы зайти домой.

Вместе – это когда мы рядом. Одиночество – это когда тебя нет.

Будьте

Месяц назад я выкинул свой телефон. Я забыл все цифры, которые когда-то были важны, я стер все имена. Я не смеюсь на встречах с друзьями, я не хожу в гости, мне не приходят письма, в мою дверь никто не стучит. Я молча закуриваю, сажусь в кресло и смотрю на низкий-низкий потолок, я закрываю глаза и упираюсь горячим лбом в низкое-низкое небо. И я пишу о любви, я веду странный разговор со счастьем, я кричу вам, как прекрасна эта жизнь, я улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь... Потому что я могу позволить себе смеяться и над жизнью, и над смертью. Я говорю вам: будьте, длитесь, звучите, продолжайтесь, живите взахлеб, любите отчаянно, смейтесь искренне и, падая сбитыми в кровь коленями на просоленную от слез землю, найдите силы встать. А если будет нужно – я протяну руку и подставлю плечо. И пусть это банально, заезженно, повторно, пусть трагичность бытия никуда не исчезает, но... Боли в этом мире хватит и без меня. Я буду улыбаться, я буду шутить, я буду писать о любви и вести странные разговоры со счастьем. И не так уж важно, что месяц назад я выкинул свой телефон, потому что мне самому больше некому и незачем звонить.

Время поэтов

Я скучаю по осени. Нет, лето прекрасно: горячий воздух, обжигающий кожу поцелуями солнца, мерное дыхание моря, пляжи, становящиеся тяжелыми от смеха, запаха песка, воды, тел, душ... Лето по-своему красиво. Синее до невозможного небо. Счастливые люди, не спря-
танные от дождей и холода стенами домов, красивые лица, не спрятанные от взгляда промозг-
лой серостью улиц. Но я скучаю по осени. По шуршанию листвы под ногами. По прозрачному
воздуху, холодеющему с каждым вздохом, но проясняющим любую непутевую голову. Осень
время поэтов и задумчивых женщин, время, когда кренится чаша весов и необузданная ярость
жизни идет на убыль. Осенью оседает пыль. Пыль переживаний, бьющих по оголенным нер-
вам, пыль безумных идей и почти начатых свершений. Осенью остывает небо. И вместе с ним
остывает звериный рык страсти, становясь тихой умиротворенной нежностью. Вот только одно
смущает меня: осенью я так же буду скучать, просто уже по чему-то иному. Потому что листая
календарные листы, сезоны года, города и судьбы людей, мы остаемся собой. И от себя никуда
не убежать, ни в осень, ни в Париж, ни в любовь. А значит... Свет мой зеркальце, скажи, что
на самом дне души?

Гонимые миром

Гонимые миром, прячущиеся от жизни и самих себя, перебирающие тонкими бледными пальцами на клавиатуре свою боль и одиночество, любовь и надежду, мечты и желания, вдавливающие в монитор сердце и душу... Странные пугливые звери, ищущие тепла и избегающие рук. Бережно хранящие крупницы знаний и чувств, тщательно собранных, трепетно отмытых от налипшей грязи бытовухи... Кто мы? Какие мы? Усталыми глазами впитывающие этот лживый свет экрана в постоянном желании найти что-то, чего тут давно нет. А за окном пустые улицы и теплый летний ветер. А за окном небо к августу и звезды все ярче с каждым вдохом. А за окном шелестят большие деревья, и шелест этот все больше напоминает тихое пение. А за окном зажигаются огни вдоль дорог, уводящих далеко-далеко. А за окном любая мысль – свободна, любое чувство – осязаемо. А за окном ночь: сладкая, с оттенком горечи, нежно касается поцелуем близких и понятных ей обветренных губ. А за окном... Давай выйдем на улицу. Давай найдемся снова, однажды потерянные на расстоянии пары шагов. И, я уверен, нам будет что сказать друг другу.

Замочная скважина

Любая картина – это замочная скважина, сквозь которую можно подглядеть душу художника. Но если реализм – это узкая щель, за которой образ души расплывается, сливаясь с пейзажами, натюрмортами и портретами чужих лиц, импрессионизм – это приоткрытое окно, сквозь которое уже отчетливее веют чувства, мысли, характер и настроение, то сюрреализм – это распахнутая настежь дверь. Это воплощение наших мечтаний и страхов, любви и боли, веры и отчаянья, надежды и снов. Это олицетворение миров, в которых мы живем. Это наши глаза, зеркала нашей души, это злые и добрые сказки наших судеб. Это наш самый точный автопортрет.

Досужий зритель, разглядывая сюрреалистические полотна, может сказать о художнике порой намного больше, чем тот готов был рассказать. Но души хрупки, а души художников, людей, остро чувствующих грани тьмы и света, хрупки вдвойне. И сюрреализм, наша распахнутая дверь, становится нашим щитом. Им становится эгоизм зрителя, его встроенный взгляд в себя, его вечный поиск собственных отражений. Для большинства такие полотна – предмет для споров, и каждый уверен, что именно он понял идею автора лучше всех, что именно он разгадал сакральный смысл или вопиющую бездарность, не замечая, что надевает на молчаливые картины свои собственные лица, открывая в них дверь уже своей души.

А мы наблюдаем. И нам смешно, поверьте, именно смешно. До тех пор, пока не находится тот, кто, отбросив страстную любовь к своему «Я», не начинает вдруг видеть в наших картинах то, что в них на самом деле – нас. Художников. В предельной обнаженности души: до беззащитности, до надрывного крика и срывающегося шепота истины. И ты понимаешь, это – ТВОЙ зритель. Ты писал для него. На него ты смотрел сквозь закрытые глаза, о нем ты молчал вечерами, пропахшими красками, его ты искал так долго, разбрасывая брызгами ледяной воды свое вдохновение. И как должно быть страшно, какой беспредельный, кристально прозрачный ужас – однажды его найти.

Встречай

Вчера ко мне приходило счастье. Оно было одето в осень, пахло разноцветными дождями и почему-то пряниками. Мы сидели на кухне, я угощал его горячим чаем, а оно добавляло в него засушенные за август лепестки опавших звезд. Потом оно село на мой подоконник и тихонько запело. Оно пело о светлом, о важном, о любимом, о том, что молча живет в сердце и делает руки нежными, оно пело о смехе людей, похожим на теплый янтарный ветер, и о мокрых от росы тропинках, ведущих к тому, что ищет каждый. Мы провели вместе всю ночь. Оно то птицей садилось на плечо, то мягкой урчащей кошкой лежало на коленях. А утром оно засобиралось в путь, извинялось, обещало обязательно заглядывать на огонек, потом накинуло на тонкие плечики радугу, раскрашенную детскими снами, и вылетело за дверь. Но я рад, потому что обернувшись на пороге, оно сказала мне, что идет к тебе. Встречай.

Поцелуй поэта

Тебя когда-нибудь целовали поэты? Вдоль по выгибающемуся меридиану живота, уже беременному новыми стихами. Изучая на вкус траектории бедра, зажигая каждым прикосновением внутреннее небо, пробивающееся наружу вместе с хриплым дыханием. Тебя целовали поэты? У них горячие губы и ледяные глаза. Они звонят в три часа ночи, чтобы предсказать новый рассвет. Они учат любить дороги, на которых легкое бессистемное счастье – такой же естественный атрибут, как гитара на плече и беспечная полуулыбка песен, пулей попадающая в живые сердца. Они шатаются дорогами слов, не касаясь земли, и умеют видеть в людях птиц. Они идут над траншеями, которые мы сами роем себе, чтобы устаканить привычный ритм – дом, работа, учеба, завтрак, ужин, беспредельная скука и надуманный смысл, не оправдывающий себя. Просто они свободны даже в тюрьмах, а мы – в тюрьмах даже на свободе. В непобедимых застенках собственных тупиковых судеб, неумело нарисованных на изнанке закрытых век в то время, когда снаружи беснуется жизнь и стремительно падают звезды. Они – сценаристы нового мира, они – центр циклона. А еще они целуют. Знаешь, как? Сметая шелуху повседневности, собирая на губах эссенцию бытия, безумный концентрат сущего, зачеркивая все лишнее и обнажая самое главное. И жизнь становится одним мгновением, но в это мгновение свершится все. Так тебя когда-нибудь целовали поэты? Нет? Ну что же... Приходи, поцелую.

Несравнимое

Если бы я смотрел на звезды, я бы точно знал, что блеск твоих глаз никогда не сравнится с их вечным светом, медленно падающим с черного ватмана глубокого неба на мягкое серебро снега. Если бы я смотрел в огонь, я бы точно знал, что твой скомканный танец никогда не сравнится с неповторимостью и жаром костров, освещающих непроглядную ночь нашего одиночества. Если бы я смотрел на листопады, а бы точно знал, что твоя походка никогда не сравнится с легкостью кружения золотых листьев в ласковых ладонях осенних ветров. Если бы я смотрел на траву, я бы точно знал, что волосы твои никогда не сравнятся с волной светлой ржи, ловящей стройными колосьями солнечный свет. Если бы я смотрел на цветы, я бы точно знал, что твои губы никогда не сравнятся с бархатной, похожей на воплощение нежности упругостью лепестков. Если бы я смотрел хотя бы на что-нибудь, кроме тебя, я бы нашел огромный мир, невероятный по своей распахнутой настежь красоте. Но знаешь... Свои звезды, огонь, листопады, траву, цветы я нахожу в тебе. И в рамках моей смешной простуженной души это несравнимо больше огромного мира, приютившего нас в долгом пути, именуемом жизнью.

Актер

Каково это – быть актером? Возможно, больно. Проживать – насквозь, невыразимо, невыносимо – многие жизни. Расписывать изнанку собственного сердца чужими страстями, трагедиями, взлетать и падать, любить и умирать, и вновь вставать, унимать дрожь в руках, и снова начинать новую жизнь, снова плакать, сжимая в бессилии кулаки, и смеяться над собой. Изредка приподнимая край маски, уже не для того, чтобы вспомнить свое собственное лицо, а лишь затем, чтобы сделать глоток свежего воздуха, не пропахшего гримом. Больно... Но в то же время – прекрасно. Обнажать чувства до предела, настоящие, живые чувства, куда реальнее бытовых кухонных переживаний, доводить их до апогея, задыхаясь от восторга бытия, захлебываясь алчным огнем жадных жаждущих глаз зрителя. И падая на колени, почти не существуя ни в одном из ампула, почти крича от разрывающего тебя смерча жизни и смерти, судьбы и забвения, видеть, как с тобою вместе, замерев в унисон, в едином порыве умирает зал. Замолчавший, забывший сделать новый вдох зал, который любил вместе с тобой, вместе с тобой плакал и смеялся, который, не взирая на пасмурный вечер на улице, обшарпанные доски сцены, увидел то же, что и ты: что-то бесконечно большее, чем просто игра в жизнь. Саму жизнь. Настоящую. Прожитую честно, откровенно, полностью, до дна. Театр как любовь, как секс с самой желанной женщиной – однажды испытай на себе это таинство, этот акт бытия, ты уже не сможешь остаться прежним.

Люди больны любовью

Люди больны любовью. Они пишут о ней, поют ее, читают, ищут, находят, теряют и ищут вновь, смеются и плачут над нею, видят про нее сны, рисуют на поверхности бумаги и души, пробуют, вдыхают, растирают на пальцах, пожирают, отрыгивают и возносят к небесам. Но, болея любовью, никогда, слышишь, никогда не пытайся забрать ее себе. Всю. Само понятие любви не делай собственностью. Потому что у каждого она – своя. И поверь, каждый вкладывает в это понятие что-то трогательное, дорогое ему, родное, важное, нужное, остро проживаемое. Разноцветные капли счастья и боли, не важно, похожие на твои или нет, но – всегда настоящие, живые, трепещущие в сердце. Любовь беззащитна, не нужно, просто не нужно так: руками, словами, взглядами... Потому что это может быть больно для того, кто прижимает свою скомканную любовь к голой груди, веря в нее. Понимаешь, веря. И даже если ты считаешь свое мнение истиной в последней инстанции, не смей, слышишь, никогда не смей разрезать чужую душу. Оставь каждому право любить так, как он умеет. Не становись богом, решающим, кто способен любить, а кто нет, что есть душа и какого цвета должна быть жизнь. Остайся человеком. Потому что остаться человеком среди бесконечных богов, которые уже все про всех знают, видят насквозь любую душу и имеют право решать за каждого – это намного сложнее, труднее, но... Правильнее, что ли.

Я чувствую тебя

Я чувствую тебя. Диалект эмоций без слов. Чтение нюансов настроения по глазам. Я – чувствую – тебя. Наклон головы, опущенные ресницы – обида. Трепет губ, мягкость черт, лукавство глаз – ты смеешься внутри себя. Нарочито медленный шаг, потерянное движение руки – ты ждешь. И я делаю последний глоток горького дыма, бросаю сигарету, догоняю тебя, беру за руку, и мы идем гулять. Я чувствую тебя? Нет. Мы интерпретируем человека по языку жестов, по мимике, по шаблону собственного поведения, по накопленному опыту бытия, домысливая стоящие за этим чувства. И чем многограннее, богаче, ярче наша собственная палитра этого странного языка, тем выше шанс угадать внутренние переживания другого человека. Угадать, предположить, предвидеть. Все до банального просто. Мне больно, и я плачу. Этот человек тоже плачет, значит ему... больно? А если я плачу, потому что мне больно, иногда грустно, от любви, от счастья, от многого другого, то и в оценке состояния чужой души появляются варианты и полутона, приобретает важность и ценность не только прямой акт проявления чувств, но и сопутствующие мимолетные знаки: наклон головы, дрожание ресниц, движение рук, тон дыхания. Рождаются чуткость и понимание. Значит степень понимания зависит от богатства и широты твоего собственного внутреннего Я? Чаше всего. Значит глубина мира измеряется лишь глубиной собственной души. А еще это значит, что любим, обижаемся, ненавидим, слышим, понимаем мы не самого человека, а лишь его интерпретацию, существующую только в нас самих.

Мелочи

"...А потом ты напишешь красивым ровным почерком, тем самым, с буквой д, загнутой художественным завитком вверх, тем самым, наклонным и сбивающимся выше строки в неограниченной линией белизне, тем самым, которым писал ты стихи и письма, тем самым, которым пальцем ты чертил по поверхности стола несвязные слова, снова о чем-то задумавшись, тем самым, которым ты уверенно вписывал свое имя во все приговоры... А потом ты напишешь: Я умер уже давно. Все остальное прошу считать лишь формальностью."

Как ценны порой мелочи. Почерк, упавшая тень, улыбка, притаившаяся на краешке губ. Душа рвется, а тебе становится невероятно, жизненно важен плохо закрытый кран. Ты отворачиваешься от боли и начинаешь считать капли. Или ты замечаешь пятно на клавише компьютера, пятно, которое было там уже два года, но все это время ты лениво его игнорировал – и остервенело оттираешь его, заглушая монотонностью и бессмысленностью зацикленных движений все мысли. А порой эти мелочи сами по себе становятся катализатором переживаний. Ты идешь по парку, краем глаза замечаешь цветущий жасмин и вспоминаешь: аромат J'Adore, вы танцевали под дождем, и ее мокрое платье на полу твоего дома, и тревожные поцелуи со вкусом сигарет и горького шоколада, и смуглое горячее плечо под твоей рукой, дрожащее от... Память накатывает волной, поднимается к горлу, выше, закрывает с головой и уже скоро ты не сможешь дышать: разлитое по ковру вино, едкий запах дыма, тяжелеющий пасмурным грозовым небом взгляд, а дальше неповторимая игра – слова, брошенные в запале, слова, сказанные с самым болезненным оттенком не злости, не ярости, но ледяного равнодушия, твои слова... И воздух кончается, память сбивает с ног, ты падаешь, хватаясь за осколочные лучи неумолимо гаснущего света, но чувствуешь под руками лишь шершавую грязную поверхность асфальта. Как ценно порой то, что мы по привычке считаем мелочами.

Комнатная зима

Я проживаю комнатную зиму. Зиму возле запотевшего окна, зиму рядом с теплой батареей, зиму в объятиях любимых рук под мягким одеялом. С оттенком легкой скуки я смотрю, как мир за окном теряет свои черты, растворяясь в белизне снега, а потом вновь отчетливо проступает черными строгими разводами голых ветвей. Я проживаю комнатную зиму, собирая взглядом чужие красивые фотографии заснеженных мест, украшая душу песнями и стихами о волшебстве снегопадов и хрупкости льда. Но у зимы много сказок, нашептанных игриво взметнувшейся вьюгой. И это – одна из них. Комнатная зима. И кормушка на окне с хлебом для голодных замерзших птиц, и мягкий свет из окна, который никогда не гаснет, и тихое уютное тепло, словно в доме моем не кончается светлый праздник рождества, и звуки смеха, и речитатив стихов, которые я порой читаю вслух для того, кого люблю, и теплое молоко, похожее на вату неба, и невозможно долгий поцелуй, когда я вдыхаю тебя в порыве страсти, а ты обнаженными лопатками упираешься в стену, за которой зима. Зима, хранящая много сказок...

Дорогой парфюм

Стильные мужчины пахнут дорогим парфюмом. А я пахну тобой. Мускус и полынь, сирень под дождем и раскаленный на солнце песок, полусумрак хвои и трепет моря. И к черту стильность, к черту модный прикид и целеустремленность амбиций. Я вдыхаю черный кокаин твоего взгляда, слизываю с твоих губ жестокую мудрость слов, приближаюсь прицелившимся хищником, прижимаюсь к горячей коже в неутолимой жажде познания твоей души. Я лежу в темноте, смотрю на тление сигареты – последний взлетный огонь безумного сознания, вслушиваюсь в твой несвязный шепот и повторяю: "да, да, да". Да, люблю, да, желаю, да, останусь, да, буду, да, только ты. Во всем мире – только ты. Бросаю на весы свое глупое сердце и понимаю, что это больше, чем весь мир. И, улыбаясь открывшейся тайне, я рассказываю тебе, что на самом деле все просто: стильные мужчины пахнут дорогим парфюмом. Влюбленные мужчины пахнут своей женщиной.

Конец света

Сегодня мы отмечаем еще один конец света. Сколько их было, сколько их еще будет... Мы сидим в одном кресле, смотрим в окно на бледное зимнее небо, на безмятежно кружащихся в нем птиц и смеемся. Слепа человеческая вера в чудо, слепа, наивна и дремуча. Но пока толпы фанатично настроенных, от скуки сходящих с ума людей складывают консервы в пыльные чуланы, чудо все же происходит. Оно в бледном небе, в хищно изогнувшихся черных ветвях обнаженных деревьев, в сонных птицах, в головокружительном танце снега за окном. Оно в этих смешных людях, оно в нас с тобой. Оно везде. Потому что мир этот сам по себе – чудо. И ты завариваешь чай, а я включаю музыку, мы молчим и улыбаемся, как сообщники одной тайны – простого понимания того, что мы сами создаем свой мир. И слушая твои утренние шутки, и украдкой любясь твоей искренней красотой, этой сквозной открытостью души, я снова и снова понимаю, что люблю... А конец света... Что же, если кончится свет, то я научу тебя любить во тьме.

Одно крыло

У него было только одно крыло. Оно нелепо топорщилось за левым плечом скорее пародией, сарказмом над возможностью полета. Но он не обращал на это внимания, он тихо жил возле ручья из вечно тающего снега, он собирал в сплетенную из ольхи корзинку корни гор и варил хмельное небо. Вечерами он зажигал в пальцах свет и возвращался к своему дому, спрятанному в тела деревьев. А больше всего он любил рисовать свет на бархатной, слегка мятой ткани реальности. Ночами он чиркал спичкой на маленькой кухоньке и зажигал случайные звезды, а днем ловил рваным сачком человеческие сердца, ласково брал в руки и осторожно дул в них, отчего они начинали сиять изнутри. Он жил на склоне прожитых лет, поросшем травой и полевыми цветами, он разговаривал с птицами, ухаживал за неприглядным садиком, где он сеял семена весны. Он часто улыбался, и вокруг его глаз пролегли морщинки, в которых поселились жить солнечные зайчики счастья. Он был влюблен в женщину с именем Жизнь, она часто оставалась у него, а он угощал ее чаем и рассказывал сказки. Потом они засыпали на неразложенном диване, крепко обнявшись. Он просто тихо жил возле ручья из вечно тающего снега, и так ли важно, что у него было только одно крыло.

Чем жить с душой

Чем жить с душой... А чем жить с душой? Какими сказками, иллюзиями накормить ее, чтобы она не выла на этой пронзительной ноте, глядя, как уезжает последний поезд? Какие песни ей петь, какие стихи читать, чтобы согласилась она на сытый корм и теплый кров, чтобы не искала жадно несуществующего неба? Какой болью ее измучить, чтобы сделать грубой, чтобы перестала раздеваться под чужими холодными взглядами? Душа моя, душа... Девочка на резных качелях, птица в прозрачном небе... Куда ты смотришь так настойчиво, так внимательно, чего ждешь от меня, дожидаясь ли? Душа моя, душа... Каково имя твое, какого цвета твой взгляд? Душа моя, душа... В ком найти мне тебя, если в собственной груди я чувствую лишь пустоту, черно-алую болезненную тишину, извращенно переворачивающую облака в глазах, жадно впитывающую стоны мира. Выжженную степь, отсветы далеких пожаров, стертую с побелевшего виска испарину, кровь, страсть поцелуя и долгий ветер в волосах на краю мира, за шаг до пропасти. Или это и есть ты, душа моя?

Читатель

Он говорит: "Я не понимаю. Мне бы на твоём месте было обидно. Ты пишешь для них, ты каждый день выворачиваешь наизнанку душу, ты смотришь в разбросанные тетрадные листы воспаленными глазами и складываешь тонкие нити нервов в слова. Каждую ночь ты воешь от боли, а каждое утро садишься взъерошенной птицей на подоконник и выбиваешь искры из низкого неба, ловишь пальцами эти колючие жала небес, обжигая руки, чтобы замуровать их в бумажную упаковку текста, заставляя его матово светиться изнутри. Ты бьешься загнанным зверем в стены, разрезая собственные слова, упрощая их до пустоты для неприхотливой публики, не способной отличить зерна от плевел. Каждый день я вижу опустошенного, выгорающего человека, медленно отдающего все ради тех, кто, не прочитав нового стишка, пожмет плечами и забудет факт твоего существования, кто безразлично пройдет по тому, что останется от тебя и будет восторженно ставить лайки на цитату, которая уже перестала быть внятной от времени и плесени, и медитировать на рецепт вареников с пахлавой. Что ты делаешь с собой, зачем ты это делаешь?"

А я слушаю его молча, закрыв глаза. И за закрытыми глазами я вижу: темную комнату, поздний вечер, тусклый свет монитора. Комната человека. Может, городская квартира, а может, комната пригородного дома, и кажется, что где-то рядом можно услышать треск дров. Тут пахнет одиночеством, тут закрыты окна, тут сидит человек. И бледный свет выхватывает из темноты... нет, не лицо, только губы, узкие, бледные, жестко сжатые. И я вижу, как медленно они превращаются в улыбку, робкую, неуверенную, такую неуместную и такую бесконечно идущую этим губам. А там, выше, куда не проникает свет, я чувствую взгляд, глубокий, хищный, жадный, алчно слизывающий черных муравьев букв с монитора. И я стою рядом, я смотрю, я вижу, я чувствую, я почти касаюсь. И кажется, что стоит слегка надавить и тонкая преграда между мной и этим спрятанным сумерками лицом разобьется вдребезги, разлетится осколками разбившегося монитора, порезав кожу, звеня в неподвижном воздухе. И мы станем единым целым, проникая друг в друга все глубже. Но я стою и смотрю, не делая решающего усилия. Потому что я вижу комнату человека и бледные губы, я почти вижу его глаза. И большего мне не нужно, потому что это – неповторимо.

Одинокое небо

Когда начался этот спектакль, на стене уже висели крылья. И все было ясно наперед. Бледные фарфоровые люди на сцене рисовали друг другу тонкие перья на лопатках. А в воздухе пахло гарью, кто-то кричал, кто-то плакал, а кто-то сидел у стены, обняв колени, и молчал. И это страшное молчание, проступающее в неподвижных, застывших глазах, говорило больше криков и плача. Люди играли в одиноких птиц. Их было много, они шумной светлой стаей бились в сердца, чирикали о любви, каркали о непонимании, свистели о чем-то еще. Их было так много, и каждый пел, и каждый говорил, но в общем гомоне было не разобрать ни единого слова, не расслышать ни единого голоса. А в зале сидел зритель. Он листал программку этого театра абсурда и иногда поглядывал на висящие на стене крылья. Те самые крылья, которые для полета – не больше, чем балласт. Те крылья, которые для падения – заезженный театральный символ. И люди падали. И разбивались, разлетаясь осколками фарфора. Но зритель не уходил. Он верил, что когда все вокруг говорят, говорят, говорят о себе, кто-то должен слушать. Хоть кто-то. Потому что друг друга они не услышат, эти глухие, одинокие птицы, сбившиеся в стаю. А когда спектакль закончится, он выйдет из театра, глубоко вдохнет холодный вечерний воздух, устав от гари, улыбнется тишине, устав от шума, окинет взглядом прозрачный простор жизни и запишет в старенький блокнот начало будущего стихотворения: «Не птицы одиноки в небе, а небо одиноко в птицах.»

Игра в слепых

В это холодное лето мы будем играть в слепых. Мы руками закроем друг другу глаза, узнавая лица на ощупь, кончиками пальцев, запоминая их не красивыми, а теплыми, не умными, а живыми. Мы будем читать истории чужих судеб, осторожно проводя губами по причудливым линиям на руках. Мы будем слушать. Мы научимся слышать. Не слова, которые могут обмануть, а оттенки сбивающегося под этими словами дыхания, которые не умеют лгать. Мы попробуем. Мы попробуем на вкус эту боль, слизывая ее соленые капли с обнаженной души, мы попробуем сладкое молоко бытия, выступающее на поверхности неба. В это холодное лето мы впервые вдохнем друг друга полной грудью, научившись отличать тонкий аромат улыбки от горького запаха горя. И, может быть, тогда эти странные встречи под дождем, листопадом, на ветру или под россыпью удивительных звезд приобретут совсем другой смысл.

Ювелир

По утрам он пил чай с листьями мяты и лепестками жасмина. Он был самым обычным человеком, как ты и я, он жил в однокомнатной квартире на самом верхнем этаже девятиэтажки в спальном районе забытого Богом городка и не очень верил в существование других стран. Зато у него были книги, уютный плед и старенький граммофон. Люди называли его чудаком. Когда его спрашивали: "любил ли ты когда-нибудь?", он удивленно смотрел в глаза, думая про себя о том, какой все же смешной и глупый вопрос, разве можно жить – не любя, и рассеянно улыбался в ответ. Когда ему говорили: "посмотри на великих, вот, к чему нужно стремиться", он пожимал плечами, не понимая очевидной для всех разницы между великим произведением, изменившим историю, и божественно прекрасной женщиной, на кончиках музыкальных пальцев которой спят живые слова, нарисованной влюбленно-одержимым мальчишкой на стене подъезда, или песочным замком, в котором живут цветы и камни, сделанным на берегу речки ребенком. Когда его спрашивали: "кем ты работаешь?", он смеялся и говорил, что он почти ювелир. А соседи громко стучали в стену, потому что ночами из его квартиры слышалась музыка. Но он никак не мог объяснить, что каждую ночь к нему приходят ангелы, а они любят петь, пока он осторожно пришивает к их плечам крылья. И это и правда почти ювелирная работа.

Завтра

Исписался, изговорился, выдохся, пережил себя, перешагнул, выплеснулся вовне, отзвучал в сердцах, вспыхнул и погас идеей, мыслью, продолжился ребенком, все отдал, все, ничего не оставил себе... Потерял сознание, упал в темное, теплое, конечное, опустевшей оболочкой души впитывая жесткость травы, упирающейся в лопатки, разреженность неба, упирающегося в грудь, последний воздух, которого катастрофически мало... Завтра будет новый день. Завтра взойдет солнце. Большое, яркое, для всех. И все будет хорошо, и мы наконец поймем, что счастье всегда было с нами, просто боль мы любили сильнее, замечали чаще. И что те люди, которых мы так отчаянно искали, теряя себя, стояли рядом и обнимали за плечи, молча и понимающее улыбаясь всем метаморфозам души. И что любые стихи красивы только тогда, когда жива твоя душа, и сердце вдыхает любовь в мертвые, по сути, слова. И что солнце восходит каждый день, и это – величайшее чудо, данное нам. И я люблю тебя. И я с тобой.

Над городом

Мне снился сон:

...Господи, неужели...

...Господи, скажи...

...Господи...

Над ночным городом живут молитвы. Они медленно струятся, извиваются, сплетаются друг с другом, распадаются на слова, на звуки, снова собираются в новые. И в этом бесконечном, бесформенном, вводящем в транс метаморфозе живет и твоя.

Господи, Боже, Отче, я узрел степь и у нее не было края. Так человек, по горло стоящий в каменном веке, вдруг видит первые шаги на луне и с ужасом и восторгом понимает ту бездну знания, которая была между ними. Боже, я узрел степь и у нее не было края. Господи, научи, как жить с бездной в груди.

Над ночным городом живут молитвы и они прекрасны. Не те заученные наизусть заговоры, словесные плацебо религии, а искренние разговоры с совестью, попытки сформулировать и понять шепот собственной души. Отпускает грехи не священник, скрывающий лицо в полумраке храма, их отпускает сама исповедь, реализующая твоё раскаяние.

Господи, я коснулся неба и оно вошло в меня. Боже, я должен сказать, но слова не вмещают его. Душа кричит, бьется в агонии от переполняющего ее, сердце болезненно сжимается, а я стою посреди спешащего мира, закрыв глаза, и молчу.

Жизнь настоящим

"Живи настоящим, забудь прошлое – оно несет печали, не думай о будущем – оно несет тревоги, живи настоящим, потому что только так можно быть счастливым".

Каждый день кто-нибудь непременно говорит мне эти слова. Это не сложно понять, такое размышление нынче в моде, им пестрят разноцветные картинки, его любят глубокомысленно повторять скучающие домохозяйки. Это удобно, как удобна психология бабочки-однодневки, психология жизни в кредит. Возьми сейчас свой огрызок света, человек, сыто зевни над урчащими потребностями и не думай ни о чем, заплатишь ты только завтра, а это так далеко от тебя. Я говорю с людьми, несущими эту простую мысль как знамя, и вдруг понимаю, что мир разбился. В их наивных, верящих в бесконечное добро глазах он пошел трещинами, развалился на куцые обломки времен, на мозаику мелочей. "Живи настоящим, потому что жить прошлым или будущим так больно"... А жизнь, она включает в себя все, она не имеет границ, она не делится на времена. И я говорю: живи, люби жизнь, цени прошлое – оно учило тебя, радуйся настоящему – в нем разлита любовь, верь в будущее – оно принадлежит тебе, не дробь себя на дни, не отрицай целостности бытия, не запирай душу свою раненым зверем ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем. И будь счастливым, потому что счастье не в выбранном куске судьбы, оно, как и красота – в глазах смотрящего.

Наша жизнь

Наша жизнь – это противостояние двух стихий. Я беру тебя, приходя с огнем и мечом. Я смотрю, как в твоих глазах пылают сожженные мною города, я слышу в твоём смехе крики воронья над полем битвы, я наблюдаю, как знаменами проигравших падает на пол одежда... Я беру тебя, приходя со словом. Я вью вокруг тебя интригу медленной эротики, я шепчу в твое ухо горячие оттиски обнаженной интимности, дрожью струящиеся по твоей коже... Я беру тебя, приходя с любовью. Я целую твое тонкое запястье и прижимаю к себе, любясь мерным соавторством такта сердец, я провожу кончиками пальцев по твоей спине, ловя губами дождевики сбившегося дыхания... Я беру тебя, приходя с первым снегом и шелестом листопадов, я беру тебя, приходя с россыпью звезд и прозрачно розовым рассветом, я беру тебя, приходя... Наша жизнь – это противостояние двух стихий. Наша жизнь – это единство двух стихов, это созвучие двух песен. Наша жизнь – это мы, бесконечно отраженные друг в друге.

Мы меняем других

Мы меняем других, мы меняемся сами... Время от времени кто-нибудь советует мне оставить людей в покое, оставить их судьбы им и не влиять ни хорошо, ни плохо на этот странный, но красивый мир. А я не могу этого сделать, по крайней мере пока я живу и скорее всего какое-то время после того, как я уйду. Потому что мы, каждый из нас, прочно завязли в паутине событий, чужих историй, путанных мыслей и случайных чувств. Мы выросли в нее телом, душою, глазами, наивными идеями и тайнами сердца. Так можно ли пройти по миру, даже вскользь, по касательной, не задев ни одной чутко ждущей, жадно нащупывающей жизнь судьбы? Нельзя. Потому что одним своим рождением ты уже навсегда изменишь жизнь одного мужчины и одной женщины, однажды решивших лечь спать вместе. И я пишу свой нелепый дневник, а ты его читаешь, друг мой, пастырь мой, своим молчаливым присутствием меняющий меня, чужой мне человек, за судьбу которого я отчасти в ответе, если хотя бы одно мое слово заставило тебя посмотреть в окно и задуматься или легкой улыбкой легло на твои губы. И остается только верить, что все, что было, было не зря и было к лучшему. Мы меняемся сами, меняя других.

Мы из тех

Мы из тех, кто теплому дому предпочел перекрестье путей. Мы привычно называем кроватью верхнюю полку купе, мы курим на корточках в холодных тамбурах, мы молимся богу путешествий и играем на гитаре проводницам, жрицам храма поездов. И точно зная, что человека в дороге убаюкивает стук колес, мы его уже не слышим. Для нас не существует мира за окном, лишь отблески дня и пятна ночи, наши шаги стали плавными, мы не теряем равновесия, когда под ногами выгибается мир, мы не стремимся к конечной цели, потому что ее нет... Есть дорога и чай в стакане, есть полустанки и случайные попутчики судьбы, есть дикая бродячая душа, не знающая потерь, но чувствующая, как проросли в нее шпалы. Для нас легко слово «прощай», и тяжела любовь. И так привычна тяжесть на плечах, то ли рюкзака, то ли неба, и так безумно пахнет травой, ветром и звездами, и так естественно сделать новый шаг, и так странно замереть на месте. В нас не живет покой, друг мой, он осыпается хлебными крошками в крики голодных птиц. Мы не из тех, кто стремится к новому повороту. Мы из тех, кто создает их собственной жизнью.

Побег от себя

Побег от себя похож на побег от неба. Можно возвести стены, загородится потолком, но оно как было над твоей головой, так там и останется. Точно так же в играх с собственной душой, можно вырастить любые иллюзии, разбить все зеркала, но твое лицо все равно останется прежним. Разве что появится на нем порез от шального осколка, да в глазах – туман побега от реальности, мутная завеса эскапизма. Как любим мы находить сложное в по сути своей простом. Бежать от себя, таская на усталых плечах свое жестоко и зло смеющееся отражение, искать хоть какой-нибудь путь, исходив все вдоль и поперек и шагами своими проложив новую дорогу, обиженно молчать, когда до мира лишь пара слов, или бесконечно и пусто говорить, когда так ценно молчание. И взвесив все за и против, я включаю на полную громкость музыку своей души и выбираю жизнь на грани танца. И пусть завтра я наделаю кучу ошибок, безбожно нагрешу, пусть сердце вздрогнет от ужаса и восторга, пусть любовь жадно зарычит в хищном прыжке, пусть печаль взбунтуется ураганным ветром в лицо... Но над головой моей будет то небо, от которого я не хочу бежать.

Перевернуть мир

Иногда стоит перевернуть этот мир вверх ногами. Не ради больших перемен и восторженного взгляда души, а просто так, от нечего делать. Проснуться в своей кровати, принять душ, а потом пойти и покорить Эверест. И станцевать на его вершине безумное танго со всеми ветрами, смеясь в пропасть неба. Или прочесть свежую газетку, выпить чашечку кофе и прикурить первую за день сигаретку от жерла действующего вулкана. Можно закрыть любимую книжку, зевнув, нелепо пошутить, наклониться, чмокнуть в нос дорогого тебе человека и, накинув на плечи парашют, выйти в дверь, пропарывающую воздух на высоте 800 метров над землей. Жизнь – огромна. Ее не вдохнуть, не ощупать, не впитать кожей, сидя дома и задумчиво перелистывая на мониторе красивые лица и заблудившиеся души случайных людей. Жизнь не стоит огорчений. И ограничений. Потому что когда некого любить – открываются все дороги, на которых жадные руки сжимают тонкие талии в танце под облаками, и с неба кричат о вечности птицы голосами забытых богов. Когда больше нечего терять – приходит бесстрашие. Когда заканчиваются слезы – начинаются улыбки. Иногда стоит просто так, на пробу перевернуть весь мир.

Много граней

У любой жизни – много граней. Что знаем мы друг о друге? Можно писать очерки счастливого человека, удивляя и радуя других непоколебимым оптимизмом и негасимым солнцем в глазах, а ночами, выключая компьютер, нервно курить в окно, пить горький чай и надрывно молчать в подушку, потому что плакать уже нет сил. А можно писать трогательно, больно, на одном дыхании выворачивая душу, обнажая жалящую тоску мира, ничем не прикрытую, острую, как первый снег, как чистый лист, а потом... Идти на улицу и смеяться, подставляя лицо дождю. И шлепать по лужам, разбрызгивая вокруг себя радугу, включать музыку на полную громкость и танцевать на кухне, завернувшись в простынь, легко шутить, показывая из окна язык угрюмому хмурому человеку на улице, и дышать невероятной смесью света, неба и улыбок случайных прохожих, рождающихся, когда они заглядывают в твои глаза. Каждый из нас – сумма счастья и горя, безупречное творение природы, удивительный акт жизни во всем его многообразии. Каждый из нас – вмещает в себя все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.